

19.02.2020 г.

23 февраля 1944 года началась массовая депортация чеченцев и ингушей с Северного Кавказа в Казахстан. Наша газета уделяет огромное внимание освещению этой трагичной темы для всего нашего народа. В данной публикации мы приводим воспоминания жителей Ингушетии о принудительном выселении, смерти близких, жизни в ссылке и возвращении на родину.

Иссе Костоеву в 1944 году было всего два года, поэтому он ничего из этого периода не помнит. О событиях февраля ему рассказывали мать и Мария Иванова — вторая жена отца, которая поехала в ссылку с мужем и его детьми.

Из воспоминаний государственного советника юстиции 2 класса Иссy Костоева:

«В конце 1941 года отца забрали в так называемую трудовую армию, которая рыла траншеи, заградительные сооружения под Ростовом. Когда Ростов заняли немцы, вместе с призванными строителями этих оборонительных сооружений бежали от войны и жители этих мест. Так две сестры из-под Воронежа стали работать в колхозе, где

жили Костоевы, в селе Экажево.

В 1942 году мой отец на одной из них женился. Русская женщина Иванова Мария Ивановна через год родила ему дочь.

Наступил февраль 1944 года. Отца забрали рано утром куда-то, на собрание якобы. А там, оказывается, со всего села мужиков согнали в школу. И оказалось, они все окружены. А эта русская женщина? Она пришла в избу, где мы были с матерью, начала пеленать своего ребенка. Военные заподозрили: молодая женщина и очень хорошо говорит по-русски. Поинтересовались, кто она по национальности, и сразу же сказали ей: «Ты можешь оставаться здесь, а этих вот мы забираем». Она в ответ спрашивает: «А отец?» — «Отец поедет с ними». Тогда она сказала: «И я поеду с ними. Куда они, туда и я».

Всех погрузили в машину, привезли на станцию в Назрань. В Назрани суматоха, муравейник. Подаются эти вагоны — телятники, скотовозы. Со всех сел туда свозят, выгружают, едут опять.

Моя мачеха мне рассказывала в деталях, как это происходило. Около железнодорожного вокзала росли четыре тополя. «Я, — говорит, — вас сюда положила, четверых». Свою девочку и нас троих: меня, мою сестру и братика старшего, ему было четыре года. Набросала всякое тряпье и пошла добывать в вагоне место, куда грузить. «Мать ваша не умела разговаривать, она сидела на вещичках», — объясняла она.

Исса Костоев

Нас привезли на станцию Жалтыр Акмолинской области. Это Северный Казахстан. Наша семья стала проживать там в овощехранилище.

Вместе со старшими мы залезали в стоящие вагоны с углем. Выбирали, где лежит не рассыпной уголь, а большие куски. Сигнал дает паровоз — он только тронется, заскакивали туда и, пока он набирал скорость, выбрасывали пять, шесть, десять этих

больших угольных камней в снег. Уголь собирали на санки, приносили домой, помогали топить печку.

В 1949 году нас с этой станции перевезли в рудник, где были шахты. Рудник Бестобе Сталинского района той же Акмолинской области. Совершеннолетние, постарше люди — все пошли работать в шахту. В том году я в школу не смог попасть, потому что мы все заболели корью. За один месяц умерли трое в нашей семье: два брата и сестра от второй жены отца, которая была младше меня. Трое умерли, четверо выжили. После этого мой отец поседел полностью.

Наступил долгожданный 1957 год. Как и другие, мы собрались ехать домой, на Кавказ. От рудника — километров двести до станции ближайшей. Эта ближайшая станция — город Акмолинск, нынешняя Астана, столица Казахстана. Там нам сообщают: выезд всех репрессированных, депортированных людей запретили полностью. Ни одного человека не пускать, билеты не продавать, вагоны не выделять. В связи с тем, что якобы из-за большого наплыва в Чечено-Ингушетии не могут принять такое количество возвращающихся людей. Что делать? На вокзале побыли несколько дней. Потом отец сказал: неизвестно же, когда отменят этот запрет, и снял там для нас квартиру.

Я вместе со старшим братом поехал на Кавказ. Через Москву, нелегально. Прятались от контролеров в вагонах поезда. Приехали на Кавказ. Дома нашего не было, все бурьяном заросло, развалины какие-то оставались.

Я думал, если случится так, что мне удастся от этих всех несправедливостей освободиться, я буду поступать справедливо. Буду юристом. Потому что я очень хорошо на себе испытал, что значит несправедливость«.

Исса Костоев окончил Казахский университет имени Кирова по специальности «правоведение». Работал в прокуратуре. Возглавлял следственные группы по делу смоленского маньяка Владимира Стороженко и ростовского маньяка Андрея Чикатило. Его следственная бригада в 1990 году задержала Чикатило и довела дело до суда.

Из воспоминаний народного писателя Ингушетии Иссы Кодзоева:

«Мне было пять лет, когда выселяли наш народ. Помню, все офицеры, которые нас выселяли, были в новеньких белых полушубках. Видимо, специально выдали обмундирование. Объявили: «Вы бандиты, вы предатели, в общем, вам здесь жить нельзя. Так решила партия и правительство». Сперва гробовое молчание... А потом возгласы возмущения — и поверху начали стрелять из пулеметов. Дали понять, что возмущаться не стоит.

У нас была собака, Хаги её звали, дед еще щенком ее откуда-то принес. Она не пускала их во двор. Солдат отошел на шаг назад, вскинул винтовку — и застрелил нашу собаку.

И еще я помню: у нас жили военные. Четыре офицера. Им выделили комнатку. Вечером им наша бабушка готовила горячий ужин. Она говорила: «Это воины, несчастные мужчины...» А оказывается, это были офицеры, которые планировали наше выселение.

Я часто маленький с ними играл, а они кусочек сахара или печенье мне давали. В день выселения один из этих офицеров взял меня на руки, а я дал ему пощечину и плюнул ещё в лицо. Недоуменный, офицер спросил у отца: «Аюб, за что он меня так?» И отец ответил: «А что у тебя не хватает ума понять, за что? Что вы с нашим народом-то делаете?»

Исса Кодзоев

Не буду предаваться воспоминаниям, как нас везли. Но когда нас привезли, выгрузили прямо на снег. Холод был жуткий. Мы люди южные, многие — в тапочках. Я думаю, третья часть населения и умерла в первую же ночь. Особенно много детей, говорили, умерло сразу. В нашей семье, слава Богу, я был один малолетний, мне шестой год шел, и я сохранился. Мы сохранились.

Председатели колхозов отбирали те семьи, где было много рабочих рук. А где дети, женщины, старики — они по два-три дня на снегу сидели. Нас отобрали, потому что в нашей семье отец был, дедушка, тетка моя, дядя.

Когда мы пошли в школу, дети рассказывали: «Нам говорили, что вы людей кушаете». После смерти отца в 1952 году я попал в Денисовский интернат для сирот. Потом из этого интерната меня, как спецпереселенца, исключили и сказали: иди, куда хочешь.

Помню, как однажды на зимних каникулах приехал к дяде. По селу ходили уборщицы из конторы, собирали людей на собрание и читали письмо, где было написано, что ингушей, чеченцев, балкарцев, карачаевцев репрессировали незаконно, все это культ личности. Таких светлых дней у ингушского народа было мало. Объявили, что мы никакие не бандиты. Что мы обыкновенные, нормальные люди, как все. Меня словно в море радости окунули! С моего сердца сняли какую-то гарь. Передать трудно, как это было.

Глубокой осенью 1956 года, прежде чем выйти в большую дорогу на Кавказ, мы поехали на кладбище, чтобы попрощаться с нашими погибшими. Плакали все — и стар и млад. Потом мы погрузились и поехали.

Чеченцы и ингуши — во всех поездах! И все на юг. На первой станции на Кавказе кто-то сорвал стоп-кран. Что творилось! Описать это трудно. Открылись двери, люди ринулись вниз, все легли плашмя на землю. Целовали эту землю, плакали и молились Аллаху. Я сначала не понял, а потом и меня эта стихия захватила. И я тоже... В общем, плакали, кричали: «Родина, родина!».

<http://bakdar.org/iz-vozpominanij-ochevidcev-deportacii-ingushskogo-naroda-v-1944-godu/>